Юрий НАГИБИН

Пророки и Поэты

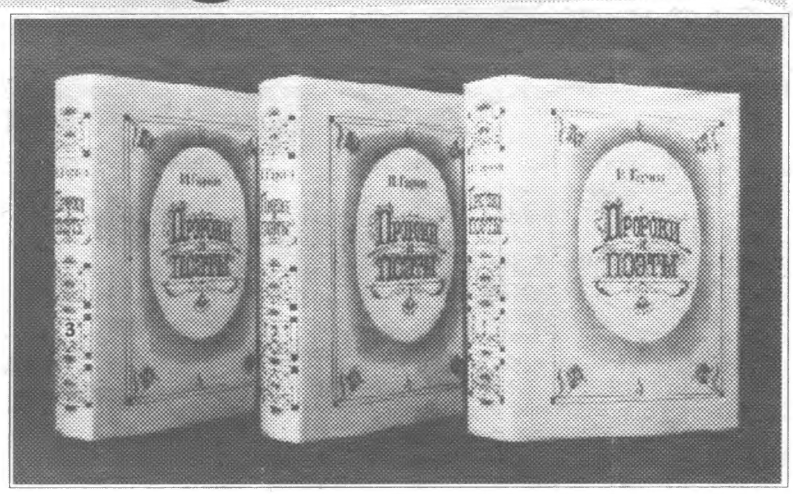
Так назвал свою книгу Игорь Иванович Гарин, явившийся невесть откуда и не пожелавший в краткой аннотации сказать о себе что-либо, кроме того, что он тридцать лет отдал своему труду (три книги) — «реставрации духа» великих духовидцев и что писать ему было нелегко, хотя он и «старался, как мог». Этому охотно верится. Уж если и читать его книгу нелегко (он, кстати, это сам признает), то каково же было писать? Какую гору надо было перелопатить, а гора эта сложена философией, прозой и поэзией, литературоведением, историей, наукой — психологией, всеми искусствами, мифологией, теологией, теософией и прочим, прочим, чтобы в изящной литературной форме преподнести читателям всю западную культуру нового времени — от Плотина до Вагнера. Я говорю, разумеется, лишь о первом томе, других у меня нет на руках, и я нетерпеливо мечтаю о том времени, когда заполучу их.

Лишь в одном автор то ли неточен, то ли что-то недоговаривает: может сложиться впечатление, будто книга составлена из кусков (глав, очерков, портретов — называйте, как хотите), написанных за тридцать лет. Это не совсем так, ибо было завершающее творческое усилие, которое связало все части книги с нашим временем, пронизало ее ощущением и знанием сегодняшнего дня. И это наделяет ее особой остротой и трепетностью. Да, это не академический труд с его объективностью (почти всегда мнимой), обстоятельностью, взвешенностью, разумной осторожностью оценок и выводов и неизбежной скукой. Книга И.Гарина реабилитирует эмоциональность, на которую в последние годы дружно ополчились. Выражение «это все эмоции» стало чуть ли не бранным. Но без живого чувства ничто не светит и не греет. Магическое действие этой книги, которую рядовой читатель (в данном случае им являюсь и я, человек без университетского образования) далеко не во всем поймет, именно в мощной эмоциональной заряженности. Автор не излагает то или иное учение, не выстраивает образ того или иного творца, мыслителя, он спорит, даже ругается, сталкивает прямо противоположные точки зрения, не гнушается процитировать маразмическую советскую энциклопедию (все время помнит о нашем времени), он смеется, вопит, порой плачет — в этом раблезианском захлебе (кстати, очерк о Рабле один из лучших в книге, хотя я пожалел, что Гарин не вспомнил о великолепной статье Веселовского, иначе трактующего медонского кюре) рождается, что? — истина. А что есть истина? Рождается память о себе как о мыслящем тростнике; ты начинаешь думать, раскаленно думать о тех хрупких и вечных ценностях, которые создавались мозгом, кровью, душой, здоровьем, а то и ценой жизни прекрасных героев И.Гарина, бескорыстных, часто нищих, гонимых, непризнанных, не увиденных современниками, таких, как Вийон, Блейк, Гельдерлин, Клейст, а если и увиденных, то непонятых: Беркли, Шеллинг, Шопенгауэр, Гофман, отчасти и Вагнер. Книга Гарина еще раз подтверждает сетования толстовского Александрова из «Живого трупа», что человечество не ценит своих гениев. Из всех героев И.Гарина лишь блаженному Августину и Аквинату выпала благополучная судьба, а по-настоящему счастливую жизнь прожил один Гете, чему в большой степени способствовал его чудовищный эгоцентризм. Даже прославленному Вагнеру выпало больше хулы, нежели похвал, не говоря уже о страстном отречении от него Ницше.

Что происходит с современниками, почему они так «специально» близоруки, тупы, невосприимчивы к тем, кто — по словам поэта — несет им на ладони свое окровавленное сердце? И.Гарин задается этим вопросом, причем его особенно ранит, что слепотой и глухотой отличается не только чернь, но и князья духа: Гете ни в грош не ставил Гельдерлина, Клейста, Фихте. Он вообще признавал из современников одного Шиллера и преклонялся перед Наполеоном. А как смеялись над Сереном Киркегором — отцом экзистенциализма, хотя, по Гарину, у самой моральной и человечной философии был еще дедушка — блаженный Августин. Я мог бы добавить более свежие примеры: Пастернак в конце жизни покаянно признался, что недооценивал крупнейших из современных ему поэтов, он имел в виду Мандельштама, Ахматову, Цветаеву; Блок издевался над Мандельштамом, имевшим уже за душой «Камень»; а как долго не могла достучаться до сердца Ахматовой боярыня Марина! И.Гарин объясняет каждый отдельный случай поляризации зрения, но общего ответа не дает. Да и может ли он быть? Наверное, все же может. Для этого надо понять возложенную судьбой или роком на гения всепоглащенность собой, своей задачей и своими муками.

Трудно выделить какой-либо очерк-портрет, все герои И.Гарина в его изображении равно интересны: и туманный Плотин, и невероятный Августин, и висельник Вийон, и певец «низа» Рабле, и несчастный Блейк, и отменивший реальность Беркли, и великий прозорливец, обведенный вокруг пальца политиканами Свифт, и дивный безумец Гельдерлин, и другие больные гении: Клейст, Гофман и гений в скорлупе отменного здоровья — Гете, впрочем, стоп — иначе придется перечислять всех, без исключения, насельников поместительного дома Гарина. Но самым интересным для меня оказался сам автор. Быть может, потому, что о всех остальных я что-то знал, о ком больше, о ком меньше, с одними, как говорится, был шапочно знаком, с другими — по корешам, а вот о Гарине не знал ничего. А теперь знаю много, хотя лишь о внематериальной его сущности. Я мог бы по пальцам пересчитать книги, наполненные столь интенсивной жизнью духа, таким мощным биением мысли, таким воодушевлением, как первый том гаринской трилогии. Кажется, ты присутствуешь в том тайном месте, в той божественной кухне, где зарождается мысль, где она набирает мускулатуру, оформляется в идею, концепцию, одаряющую мир новым светом. Ты держишь руку на пульсе мысли, ощущая то более сильные, то слабеющие удары, смену ритма, перебои, и вдруг — тугую мощь упорядоченной полноты.

На что молится автор, на какие столпы истины опирает свой высокий дух? Мне кажется, его Боги: экзистенциализм и плюрализм. И не случайно он в своих рассуждениях (как холодно это звучит в применении к кипящему, бурлящему, стреляющему раскаленными брызгами супу Гарина!) приходит к неузнанному современниками пророку и творцу Серену Киркегору. Прекрасно и его глубокое уважение к Зигмунду Фрейду, ибо на Западе сейчас вошло в моду пренебрежительное отношение к гениальному венцу, открывшему новую вселенную — подсознание. Конечно, Гарин не был бы Гариным, если б не обнаружил предшественников Фрейда «по части подсознания» среди отцов церкви, и вообще он убежден (и, судя по всему, не без основания), что все, чем напрягается до сих пор человеческая мысль, уже было в средневековье. Сейчас идет реабилитация средних веков, как Эпохи великой духовности, культуры, имеющей преимущества перед Ренессансом и Просвещением. Но Гарин делает это более страстно, нежели другие, а потому и более убедительно. У нас тоже все сильнее попахивает средневековьем, но только не божественным духом его, а кровью, дымом, гарью и обскурантизмом.



В своей приверженности плюрализму (если вдуматься, то плюрализм — единственный гарант, что человечество не загубит самого себя) Гарин обнаруживает его почти в каждом духовидце. Ведь лишь зашоренные фанатики и тираны не допускают возможности иной точки зрения. Торквемада, Ленин, Гитлер, Сталин не были плюралистами. Плюрализму противостоит тоталитаризм, отрицающий ценность человеческой жизни, а все пророки и творцы, как бы скептически не относились к духовным потенциям изредка мыслящего тростника, имеют своим адресатом только человека. И хотя пессимист Шопенгауэр, злясь на своего пуделя, кричал ему: «Стыдись! Ты — человек!», писал он все-таки не для собачки.

Очень страшно, когда в живой гаринский текст, создаваемый и чудесной речью самого автора, и великолепными цитатами (кроме Гегеля, писавшего темно и вязко, но порой с завораживающей силой, все философы были отличными стилистами), вторгаются мертвящие выдержки из советских энциклопедий или трудов наших отечественных «невтонов». Тоталитаризм в первую очередь разрушает и убивает речь, вот почему после революции так рухнул русский язык, не только письменный, но и устный.

Гарин захватывающе интересен, но все же порой ставит загадки неподготовленному читателю. В частности, я не всегда улавливал, когда авторская мысль-речь переходит в расковыченное цитирование. Поэтому я и не посягаю на анализ труда И.Гарина, моя цель — привлечь к нему внимание читателей. И мне хочется привести ряд выдержек, содержащих важные соображения самого автора и тех, о ком он пишет, что лучше всяких рекомендаций.

«Равенство и демократия — это когда все ненавидят всех». Точнее не скажешь о нашем времени!

«Огромный интерес, проявляемый всеми блаженными и святыми к сексу, отнюдь не случаен. Хотя психология аскетизма оставляет этот вопрос открытым, можно полагать, что мы имеем дело о вытеснении подавленного инстинкта: если нельзя съесть запретный плод, то невозможно и отделаться от посылов о нем.

О, как я понимаю Августина, епископа Иппонийского, молившегося: «О Боже! Даруй мне чистоту сердца и непорочность воздержания, но не спеши!».

Это из очерка о Блаженном Августине, которого Гарин считает не отцом церкви, а отцом всей культуры, «воплотившем в себе ее величие и тщету. Перед ним — все пигмеи: гений среди гениев, человек среди человеков.

А вот замечательные мысли об эволюции образа Августина.

«На примере Августина, если учесть его искренность, его гениальность, его исключительную чуткость к неувязкам в теории, — мы видим, каким волшебным, прямо-таки зажигательным воздействием обладает новая идеология. Независимо от степени ее правильности. Не вызывает сомнения, что, родись Августин в XV веке, он возглавлял бы инквизицию, в XVII — оказался бы застрельщиком Просвещения, в XX — стал бы революционером.

Да, да, именно так! Разве не осудил он прибыль и процент, разве не он громил эксплуатацию — с пафосом, которому могут позавидовать современные агитаторы?

На его примере мы видим, что делает идеология с человеком — даже таким титаническим, как он: чем больше он посвящал себя церкви, тем нетерпимее относился к живой культуре.

Идеолог вытеснял человека. В известной мере стареющего Августина правильнее было бы называть не отцом церкви, а отцом идеологии.

Августин жил в больное время, но ведь именно в такие времена появляются великие книги — итоги высочайшего духовного взлета над временем... Видимо, высшее напряжение духа производно от напряжения эпохи.

Но верно и обратное: дух пробивается сквозь тину и плесень с огромными потерями, миллионы погружаются в ядовитую мифологию, мечутся в алкогольном тумане, калечатся рабством. В больном обществе любая болезнь превращается в пандемию, и первыми уходят лучшие. Чума — не самая благоприятная среда обитания.

Вот типичный пример, когда взаимоисключающие вещи одинаково верны!»

Августин предвосхитил — вплоть до деталей — и «поток сознания», и юнговские «архетины», и плюрализм, и эволюционизм, и картезиское «мыслю, следовательно существую», он отец символизма, из него черпали Гуссерль и Хейдеггер.

Говоря об Августине, Гарин сам сливается с ним, становится так же неистов, размашист, противоречив и целен, еще немного, и его, как Августина, уже нельзя будет понять, находясь на позициях здравого смысла, но он избегнет капкана старого Августина и не поставит свою церковь выше живой культуры.

«Неискренность бесталанна. Слово ее — мертво. Почти все гимны мертворожденны — вслушайтесь, содрогнитесь... Вдохновенно лицемерить, ох, как трудно. Симулировать же искренность и вовсе невозможно, искренность — глас божий»...

Да, отсюда завораживающее очарование книги И.Гарина...

Вершина духовности для И.Гарина — Блаженный Августин, а самый любимый философ — Шеллинг, прошедший путь Киркегора, но без надрыва, от рационализма к мистике. Измученному диаматом Гарину чужды и враждебны, как пуля живому сердцу, всякие склонения к рациональному знанию. Тем и дорог для него Шеллинг, что он считал: «Грядущее познание будет не научным, а магически-непосредственным знанием, мистическим созерцанием». Натуре истинно художественной, Гарину дорого, что Шеллинг считает «искусство ключом к сокровенному». Шеллинг мог бы подписаться под формулой английских поэтов: «Философия — ученица поэзии». Но Гарин принимает и последний вывод Шеллинга: «Религия выше красоты — лучшее средство очищения души»...

Переходя от пророков к поэтам, И.Гарин чуть заметно и, может быть, бессознательно меняет свой стиль: усиливается легкая ирония. Философам он охотно прощает несоответствие бытовой личности высоте духа. Уж на что завистлив, склочен, вздорен, вечно нацелен на разрывы был Шеллинг, а Гарин, хотя и упоминает об этих милых качествах своего кумира, но делает это на редкость необидно. Неудачному карьеристу Свифту достается от него куда больше. Благополучному Гете он вообще не склонен ничего спускать. Но вот о конформизме дорогого ему Рабле он пишет с очень мягкой иронией:

«Фанатизм и насилие внушали отвращение его веселой, свободной и широкой натуре. Он никогда не примыкал к партии палачей, остерегаясь, однако, оставаться в партии мучеников. За свои убеждения он готов был идти на все, за исключением костра, ибо еще до Монтеня полагал, что умереть за идею — значит придавать слишком много цены недоказанным истинам. Участь мучеников надо предоставить тем, кто, не ведая сомнений, обретает в собственном простодушии оправдание своему упорству.

Основание так думать дает история. Она рисует Кальвина между кострами — один изготовляется ему, другие он разжигает сам; она рисует Анри Этьена, который с великим трудом спасся от палачей Сорбонны и тут же донес им на Рабле. (Что-то слышится родное! — **Ю.Н.**).

И ради чего стал бы Рабле отдаваться в руки «дияволов в рясе»? В нем не было такой веры, которую отстаивают на

костре. Рабле не был ни теологом, ни философом, он не разделял ни одной из тех великолепных мыслей, которые ему позднее приписывали. «Гаргантюа и Пантагрюэль» занимали в его жизни не больше места, чем «Дон Кихот» в жизни Сервантеса, и славный Рабле создал свой шедевр, сам того не ведая; это, впрочем, — удел всех шедевров. Для того, чтобы создать шедевр, нужна истинная гениальность, и вовсе не обязательно заранее принятое решение».

Последнее очень остроумно, но едва ли истинно. Я не верю в бессознательность творчества Рабле и Сервантеса. Уж слишком естественны, а значит, хорошо подготовлены, печальные и мудрые финалы: с Алонсо-Добрым у Сервантеса, с советом оракула бутылки у Рабле — «пейте!» — вот единственное утешение бедному человеку. Может быть, вспомним о плюрализме: Гарин прав в той же мере, в какой право прямо противоположное утверждение.

В главе «Свифт» есть много интересного о смехе. И.Гарин вспоминает слова Антони Эшли Купера: «Истинно лишь то, что выдерживает проверку смехом». Эта мысль развивается: *«Смех как критерий истины может быть скромным, но бесспорным достоинством: оно всегда правдиво. Смешное потому и смешно, что правдиво».*

Вот почему Сталин, вопреки своим бессмертным словам: «Гоголи и Щедрины нам нужны», ненавидел смех и уничтожал современных ему гоголей и щедриных: придушил Зощенко, уничтожил Хармса и Введенского, бросил в лагерь Аркадия Бухова и Остапа Вишню, сослал Эрдмана и Масса, запретил Ильфа и Петрова (репрессировать их было нельзя, оба заблаговременно ушли из жизни). Сталин понимал в глубине своей темной души, что ни он сам, ни что-либо от него исходящее не выдержит проверки смехом...

Известны ненависть и отвращение Б.Пастернака к романтизму. Он видел в романтизме только ходульность, неестественность, разрыв с жизненной правдой, дурной вкус; «романтик» было для него ругательным словом. Мне всегда казалось это верным и глубоким. Но после очерка И.Гарина о Гофмане я понял с удивлением, что огненные стрелы Бориса Леонидовича посланы из лука, купленного в «Детском мире».

«Мистика, темнота, патология Гофмана — не более чем страстный протест против обесчеловечивания человека или чрезмерной его человечности — как хотите. Неудивительно, что рационалист Гегель принимал гофмановский ужас перед бытием за «юмор по поводу мерзости».

«Надо сказать, что вообще романтизм, как и любое другое течение, существует лишь в нашем болезненном воображении. Гений, пытающийся проникнуть в мрак человеческой души, неклассифицируем. Романтизм, будь то Шатобриан, Сталь, Арним, Сенанкур или Гофман, реагирует на неустойчивость мира и на трагическую алогичность жизни ничуть не менее болезненно, чем модернисты Джойс, Кафка или Андрей Белый. А кто такие Гельдерлин или Клейст — куда отнести их? Романтик Гофман в совершенстве владел той магической реальностью, которая гораздо выше повседневности, потому что является ее духом, душой.

Никто так щедро не черпает из жизни, как все эти проклятые декаденты и модернисты. Только подлинный поэт... способен слить чудесные явления духовного мира с жизнью, переплести фантастическое с повседневным, набросить странный волшебный колпак на таких серьезных людей, как советники, архивариусы и студенты, заставляя их, как нечистую силу, куролесить среди бела дня по шумным улицам знакомого города на смех добропорядочным соседям. Сказки Крейслера (Гофмана. — **Ю.Н.**) *— фантазии, укорененные жизнью. При всей их хаотичности, разорванности, капризности мечта и магия непрерывно возвращаются к своей суровой первооснове»...*

И великолепный завершающий аккорд: *«...в эпоху согласия масс с аппаратом господства ставка на популярность ведет к деградации... В эпоху Заката лишь радикальная общественная изоляция делает искусство искусством, таков завет экзистенциализма: в эпоху масс особенно важно остаться самим собой».*

Было бы куда лучше, если б на глубокую книгу И.Гарина отозвался не любитель, а профессионал культуры. У нас есть компетентнейшие люди во всех проблемах, затронутых И.Гариным. Беда в том, что эти просвещенные, почтенные люди могут не дотянуться до книги Гарина, занятые собственными трудами и заботами, возрастной усталостью, могут и полениться (Анатоль Франс покровительствовал молодому Прусту, но читать «В сторону Свана» не стал, сказав: «Жизнь так коротка, а Марсель Пруст так длинен» — ему и в голову не впало, что тягомотный автор обойдет его на пути в бессмертие). Так вот, дай Бог, чтобы появились отзывы, достойные подвижнического труда И.Гарина. Я ничего не знаю о нем, быть может, это безразлично. Хотя не думаю, ведь он знает, как важен для писателя и мыслителя выход к людям. Он не принадлежит к числу снобов, делающих вид, будто они творят лишь для самих себя. Он — за обратную связь. Бескорыстный дух, редкий талант, огромная эрудиция, интеллектуальная и душевная честность, редкое терпение — это Игорь Иванович Гарин. Мне хочется поздравить всех нас, что тридцатилетний труд, воистину завещанный от Бога, наконец-то увидел свет.

Из дневника читателя

Татьяна ИВАНОВА

СТАРИННЫЙ ВОПРОС. ОТВЕТИТЕ?

О замечательных письмах, которые я получаю от своих читателей и радиослушателей, я рассказывала не раз — и не раз еще расскажу. И сейчас, когда у людей столько проблем, когда даже с конвертами и почтой все сложно, я получаю очень много писем, бандеролей, посылок. Для меня это значит, что потребность говорить о прочитанном, о книгах в людях очень велика, может быть, колоссальна. И потому я решаюсь обратиться к своим читателям с просьбой... Но — по порядку.

За какие-то несерьезные по нынешним временам деньги — за шестнадцать рублей — я купила книгу Натана Щаранского «Не убоюсь зла». «Век. Олимп» — так обозначили себя издатели. «Сердечно благодарю всех, чьи огромные усилия помогли осуществить издание книги в Советском Союзе». Эти авторские слова ярки и крупны, потому что усилия, видимо, в самом деле были огромны: в Советском Союзе книги, подобные этой, издавать было не принято.

Дата подписания книги в печать ошеломительна — 19 августа 1991 года. Трудно себе вообразить, как все это было под танец маленьких лебедей, под страшные тексты ГКЧП. Меленькими буковками на последней странице, как положено, перечисляются лица (юридические и одно физическое), объединившиеся в тот день подписанием книги Щаранского в свет. Подельники. Ответственный за выпуск А.С.Карлин. Редакционно-коммерческая фирма «Век» (Рига). Редакционно-производственное агентство «Олимп» при издательстве «Советский писатель». Малое предприятие «Колизей». Московская типография № 8.

Я рассказывала когда-то читателям «Книжного обозрения» об уникальной, построенной на документах книге Леонида Млечина «Сеть. Москва—ОГПУ—Париж». При условии торжества ГКЧП все причастные к выходу «Сети» в свет белого света больше точно не увидели бы. А сигнал «Сети» появился как по заказу именно 19 августа, под танец маленьких лебедей. Юридические лица были в разных весовых категориях: альманах «Конец века» и типография ЦК компартии Белоруссии в Минске. Но ответственность за «преступление» им предстояло бы делить. Я уж не говорю о физических лицах — авторе, Леониде Млечине, и редакторе, Юрии Калещуке. Для них мелодии «Лебединого озера» звучали траурным маршем.

Но «сигнал» все же, как трамвай: рукопись идет по своему маршруту и однажды приходит. 19 августа? Так совпало. Можно было, конечно, остановить. Никто не остановил.

Люди же, причастные к выходу в свет книги Щаранского, 19 августа рукопись **подписывали.** Так, вглядываясь в «выходные данные», я испытала добрые чувства к «агентству», «предприятию», «типографии»: ничто не мешает думать, что они стоят со стороны свободы.

Книга подписана к печати в Советском Союзе, а вышла в свет и продается в России. И порядочно людей в России очень, думаю, не хотели бы, чтобы она так свободно продавалась, была так доступна. Там ведь столько стукачей названо поименно, столько чекистов во всей красе, столько тюремщиков.

Автор обстоятельно повествует об истории своего ареста, суда, заключения. Это сильный текст. Перо талантливое и умное. Стойкость, бесстрашие, упрямство и мужество Щаранского поразительны. Монотонность отсутствует. Хотя тюремные и лагерные дни, месяцы, годы похожи один на другой. Человек живет. Человек думает. Человек остается человеком, хотя это очень трудно, а часто невозможно... Нет, от этой книги невозможно оторваться.

Не буду пытаться ее пересказывать — кто сочтет нужным, найдет и сам прочтет. Но некоторые моменты в этой книге имеют к «Книжному обозрению» такое же непосредственное отношение, как, например, выходные данные. Дело в том, что заключенный Щаранский много читал. И много размышлял о прочитанном.

...Как вам кажется, что такое «страх Божий»? Боязнь наказания за грехи, правда? Так думает большинство людей. Так думал и Щаранский. Но со временем он догадался...

«Со временем утилитарность такого понимания стала очевидной для меня, и псалмы, и опыт собственной жизни углубили смысл этих слов». Он отказывался от всех сделок с КГБ, которые могли бы смягчить, облегчить его жизнь. Он готов был умереть, он оказывался не раз на краю могилы, требуя, чтобы письмо, написанное им, было отправлено, чтобы книга «Псалмы», отобранная у него, была возвращена ему. Он категорически отказался писать просьбу о помиловании. Он ни на шаг не отступил назад — к двоемыслию, к рабской покорности. Ни разу — хотя всякий раз это очень дорого ему стоило. Почему? Из-за страха Божия. Но что же он такое, этот страх?

«В одном из псалмов сказано: «Тайна Господа — боящимся Его, и Завет Свой он открывает им». Постепенно я начал осознавать, что страх Божий — это и преклонение перед могуществом Создателя, и восхищение грандиозным Божественным замыслом, и, что особенно важно, — подсознательная боязнь **этому замыслу не соответствовать,** оказаться недостойным и миссии, возложенной на тебя Творцом, и тех сил и возможностей, которыми он тебя наделил. Может, это чувство — необходимое условие внутренней свободы человека, а значит, и основа духовной твердости?..»

Такое простое, красивое и глубокое толкование я встретила впервые. Хотя, право, читаю не так уж мало.

Еще. Гамлет в минуту отчаяния говорил: «Распалась связь времен». Щаранский тоже оказался лицом к лицу с великим злодейством и почувствовал, естественно, то же. Распалась... «Я восстанавливал эту связь, заключив братский союз с теми, кто помогал мне защитить достоинство, и не только свое личное, но достоинство человека, созданного по образу и подобию Творца».

Это очень глубокая мысль, прошу вас читать внимательно. «Немало исторических и книжных персонажей пытались сбить меня с толку».

— Вот Галилей действительно умный человек. Покаялся перед инквизицией и смог продолжать свои занятия наукой. И сколько пользы людям принес! А в конце жизни произнес бессмертные слова: «А все-таки она вертится!», — окончательно утвердив истину.

Галилей, конечно, гений, каких немного в истории человечества. Но разве его всемирная слава не умножает число тех, кто в разные века и в разных странах призывает этот высокий авторитет в оправдание своего страха. Да, он покаялся перед инквизицией три с половиной века назад, но его тогдашняя капитуляция влияет на людей и сегодня. Раз за разом оказываясь перед выбором отречься — не отречься, предать — не предать, выдать — не выдать, Щаранский понимал: «Не только предам самого себя, я укреплю зло в этом мире. Когда-нибудь в будущем мое решение поможет охранке сломать другого зека».

Он открыл для себя новый закон: закон всемирного притяжения, взаимосвязи и взаимозависимости человеческих душ.

Кроме семьи и друзей, кроме великого псалмопевца, его поддерживали и защищали Сократ и Дон Кихот, Одиссей и Гаргантюа, Антигона и Гамлет...

Книга Псалмов была с ним на протяжении всех лет заключения. Это единственная собственность, которую он вывез из Советского Союза.

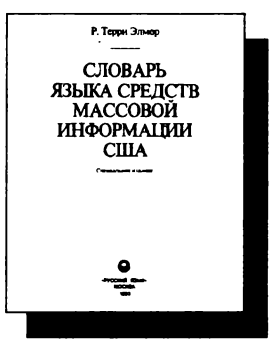
...Помните, был такой часто звучащий вопрос: «Какую книгу ты взял бы с собой в космос... на необитаемый остров?..»

После прочтения «Не убоюсь зла» я постоянно думаю об этом. Космос — не космос, а в тюрьму, на войну, бывало, брали с собой Библию. Или Евангелие. А если бы мне пришлось остаться навсегда с одной-единственной книгой, какую бы я выбрала?

Скажите, а вы? Вот если бы вам сказали: одна книга на всю оставшуюся жизнь, заглянуть в другие ни малейшей возможности не представится... Прошу вас, дорогие мои читатели, напишите мне ответ. Мне очень хочется подумать над вашими письмами. Конечно, плоды этих раздумий окажутся на страницах «Книжного обозрения».

Издательство «Русский язык»

принимает заказы книготорговых организаций на специальное издание «Словаря языка средств массовой информации США» («Mass Media Dictionary») Р.Терри Элмора (свыше 20000 терминов). Словарь выпускается совместно с известным американским издательством NTC (National Textbook Company). Объем словаря — 75 л. Переплет. Цена — 75 руб. **Выпуск — I кв. 1993 г.**



Заказы принимаются по адресу: **103012, Москва, Старопанский пер., 1/5, 509 комн. Отдел рекламы. Тел. (095) 921-39-24, 928-83-08.**

ТОО «Россич»

предлагает Вам со склада в Москве следующие издания:

В.К.Мюллер. **Англо-русский словарь.** 53000 слов.

А.Б.Жук. **«Стрелковое оружие».**

А.Риплей. **«Скарлетт».**

Телефонный справочник «Москва» 1991—92 гг.

Минимальная партия 500 экз.

А также рассмотрит Ваши предложения по совместному изданию.

Наш адрес: ***г. Москва, пр-т Мира, д. 105, вход с проезда Ольминского.*** Тел. ***(095) 282-90-08.***